оппозиций только через посредство прямо-возвратного значения" (с. 142). Прямо-ьозвратное значение оказывается тем самым центральным и соединяющим семантико-функциональным полем, к которому присоединяются, с одной стороны, группы глаголов с прямо-взаимным и косвенно-возвратным значением, а с другой – от него зависят глаголы, содержащие оппозицию каузации действия/состояния–само действие/состояние. Оппозиция актив–пассив оказывается вполне периферийной. Затем автор переходит к нерегулярным функционально-семантическим оппозициям залоговых форм, выделяя четыре случая взаимосвязей значений медия и актива от возможного полного включения медия в сферу значения актива до отсутствия точек соприкосновения между ними. Переходя затем к значению депонентных глаголов, И.А. Перельмутер делит их на две группы, в одной из которых с медиальным окончанием ассоциируется какое-то значение, в другой же залоговые показатели полностью десемантизированы. К сожалению, лишь бегло затронут вопрос о медиальных окончаниях в футуруме (с. 150) и сведен к "различным предположениям, ни одно из которых не получило всеобщего признания", и к семантической опустошенности медиальных показателей. Между тем вопрос, почему именно в футуруме и только в нем медиальные окончания возведены в своего рода систему, дополняющую актив, остается даже не поставленным. Последний раздел главы посвящен проблеме "общего значения" медиальных форм древнегреческого глагола, причем поиски "общего значения" для медия как глагольной категории объявляются делом совершенно бесперспективным. Тем самым залоговые оппозиции древнегреческого глагола рассматриваются как скрытые категории, как случай, при котором нет и не может быть никакого совпадения между "единством материальным" и "единством функционально-семантическим" (с. 153).

Третья глава "Истоки и история" начинается с рассмотрения исторических связей между различными типами употребления медиальных форм в древнегреческом языке. В этом разделе критически пересмотрены концепции, касающиеся значений медия в праиндоевропейском. Автор исходит из особой флексии медия и обращает внимание на то, что в древнегреческом, как и в хеттском, происходит угасание прямо-возвратной функции медия (с. 170). Здесь же (с. 157) И.А. Перельмутер отрицает связь окончаний актива и медия, так как при такой связи не учтено рефлексивное значение, а также затрагивает вопрос о соотношении окончаний медия и активного перфекта. Согласно И.А. Перельмутеру, функциональная близость этих форм должна рассматриваться как вторичная (с. 163), а не как исконная и генетически обусловленная. Данное утверждение представляется уязвимым, поэтому позволю себе привести пространную цитату, в которой исследователь сформулировал свои взгляды на историю соотношения актива и медия: "Так благодаря микенскому стало ясным, что личные окончания медиального презенса древнегреческого глагола во 2 л. ед. ч., 3 л. ед. ч., 3 л. мн. ч. первоначально обладали вокализмом -o- (-soi, -toi, -ntoi), которое было заменено характерным для перфекта элементом -a- лишь в ходе позднейшего аналогического выравнивания (об этом Тронский, 1979, с. 98). Уже на грани письменной истории древнегреческого и древнеиндийского языков, а отчасти и на протяжении исторического периода медиальные окончания проникали в систему спряжения перфекта" (с. 163). Последнее утверждение решительно расходится с выводами Т.Я. Елизаренковой [1] относительно форм медиального перфекта в ведийском языке, а в древнегреческом, как мы знаем, медиальные окончания перфекта широко представлены уже в микенский период. Широкое вхождение медия в систему перфекта должно датироваться не позднее, чем период до середины II тыс. до. н.э., а вовсе не VIII в. до н.э., как это представлено в рецензируемой монографии.

Рассмотрим употребление форм медиального перфекта в микенских текстах, где чаще встречается part. perf. medii:

a-pu ke-ka-u-me-no = ἀπυ-(=аттич. ἀπο-) κεκαυμένος part. perf. medii от глагола καίω из *καFyω, обозначающего в активе "жечь, зажигать", в медии – "гореть"; в микенском тексте PY Ta 641.3 встречается при описании треножника ti-ri-po, ke-re-si-jo, we-ke, a-pu, ke-ka-u-me-ṇọ[qe-re-a_2 "треножник критского вида (или производства), с обгоревшими (part. perf. medii) ножками (acc. relationis)". По классификации автора, здесь должно было бы наблюдаться результативное значение статального инертива с буквальным значением "треножник негоден из-за того, что в прошлом обгорел".

a-ra-ro-mo-te-me-na = *ἀραρμοτμένα (форма part. perf. medii с так называемой аттич. редупликацией) от глагола ἁρμόζω из *ἁρμοτyω, обозначающего в активе "скреплять, прилаживать", в медии – "настраивать, налаживать"; в контексте KN Sd 4402 + frr.]i-qi-ja, / a-ra-ro-mo-te-me-na, po-ni-ki-ja, o-i-qe, a-ni-ja, po-si ["колесница снаряженная (part. perf. med.), пурпурная, вожжи не приложены" и в KN Sd 4404 + fr.b]i-qi-ja, / ku-do-ni-ja, mi-to-we-sa-e, a-ra-ro-mo-te-me-na ["колесница кидонская, снаряженная (причастие мед. перфекта), крашенная суриком" или в KN Sd 4409 + 4481 + frr. (3). b]i-qi-ja, / po-ni-ki-ja, a-ra-ro-mo-te-me-na, ... a-ja-me-na, ... "колесница пурпурная, собранная (part. perf. medii), инкрустированная (?)" выступает отчетливое пассивное значение, которое, согласно классификации И.А. Перельмутера, должно